Mezhdu « zonoï » i « bol'shoi zemlei »

Kommunikativnoe prostranstvo sovetskogo atomnogo proekta

*Entre « la zone » et la « Grande Terre » : l'espace communicatif du projet
nucléaire soviétique*

*Between the “zone” and “Mainland” : the Soviet nuclear project's
communicative space*

Natal'ia Viktorovna Mel'nikova

Édition électronique

URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/9994>

DOI : 10.4000/monderusse.9994

ISSN : 1777-5388

Éditeur

Éditions de l'EHESS

Édition imprimée

Date de publication : 1 octobre 2016

Pagination : 847-878

ISBN : 978-2-7132-2542-0

ISSN : 1252-6576

Référence électronique

Natal'ia Viktorovna Mel'nikova, « Mezhdu « zonoï » i « bol'shoi zemlei » », *Cahiers du monde russe* [Onлайн], 57/4 | 2016, Выложить онлайн 01 octobre 2018, Наводить справки в 08 janvier 2020.
URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/9994> ; DOI : 10.4000/monderusse.9994

NATAL'IA VIKTOROVNA MEL'NIKOVA

MEZH DU «ZONOI» I «BOL'SHOI ZEMLEI»

Kommunikativnoe prostranstvo sovetskogo atomnogo proekta

[Between the “zone” and “Mainland”:
the Soviet nuclear project's communicative space]

Конспиративный характер государственной и партийной власти в СССР является признанным фактом в мировой историографии¹. Советский атомный проект, как несомненная часть конспиративной государственной машины, все же стоит особняком и над многими секретными структурами и процедурами, как показывает Евгений Артемов². Не случайно проект и созданная в его рамках атомная отрасль часто именуются «государством в государстве». И это было сверхсекретное государство в конспиративном советском государстве.

1. См.: N. Werth, G. Moullec, *Rapports secrets soviétiques, 1921-1991: la société russe dans les documents confidentiels*, P., 1994; J. Bone, «Soviet Controls on the Circulation of Information in the 1920s and 1930s», *Cahiers du Monde russe*, 40 (1-2), 1999, с. 65-89; И.В. Павлова, *Механизм власти и строительство сталинского социализма*, Новосибирск, 2001; Ф. Конт, «Секретность и гласность в России и в Советском Союзе», *К политической антропологии советской системы: Внешнеполитические аспекты*, М., 2003, с. 159-182; N.E. Rosenfeldt, *The “Special” World: Stalin's Power Apparatus and the Soviet System's Secret Structures of Communication*, vol. 1-2, Copenhagen, 2009; О.В. Хлевнюк, Й. Горлицкий, *Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры*, М., 2011; Г.А. Куренков, *От конспирации к секретности: Защита партийно-государственной тайны в РКП (б)–ВКП (б). 1918–1941 гг.*, М., 2015 и др.

2. О системе руководства атомным проектом и в атомном проекте см.: Е.Т. Артемов, «Советский атомный проект в системе «командной экономики», *Cahiers du Monde russe*, 55 (3-4), 2014, с. 267-294.

Институциональная и технико-технологическая стороны его становления и развития не единожды становились объектом изучения³. Я предлагаю обратиться к процессам выстраивания коммуникации в советском атомном проекте. Коммуникации в самом широком смысле этого слова, как системы передачи информации, связей и общения, и как одного из главных механизмов социального взаимодействия, от которого зависит результативность деятельности. Новейший обзор исследований по различным аспектам коммуникации в Советском Союзе Кристин Рот-Эй и Ларисы Захаровой, предваряющий недавний тематический выпуск *Cahiers du Monde russe*, показывает неисчерпанность данной темы⁴. Рассматривая эти явления на примере советского атомного проекта, мы можем увидеть, как конспиративная система спускалась с уровня государственной власти и проникала на уровень частной жизни, как она организовывала этот закрытый мир и каково было устройство его коммуникаций «изнутри». Представляемый материал показывает эффективность системы секретности не столько в плане охраны государственных тайн, но, главным образом, в плане формирования социальной «атомной» общности, принимающей и разделяющей режим секретности. В этой общности секретность была одним из важных механизмов создания внутренних связей, появления чувства единства и «атомной» идентичности.

Делегирование государством секретной информации своим гражданам в атомном проекте позволяет поднять тему доверия в СССР. Историографические экскурсы и дискуссии, представленные, например, в специальном номере *The Slavonic and East European Review*⁵, показывают, что авторы, которые обращаются к данному вопросу, скорее рассуждают о недоверии в советском государстве, чем о доверии. Но, как пишет Йорам Горлицкий, в свете переоценки отношений доверия и принуждения, «возобновление поисков тех или иных признаков доверия в сталинском Советском Союзе предстает вполне обоснованным шагом»⁶. Советский атомный проект дает возможность показать доверие в качестве социальной ситуации, установки, отношения, ожидания, состояния, процесса социального обмена и передачи информации, личностного и группового настроения, социального климата.

Хронологически работа посвящена сталинскому периоду существования атомного проекта – времени между 1942 г., когда было принято Распоряжение Государственного комитета обороны «Об организации работ по урану», давшее начало проекту, и серединой 1950-х гг., когда были достигнуты

3. Об историографии советского атомного проекта см.: Н.В. Мельникова, П. Джозефсон, «Американские и российские исследования истории атомного проекта СССР: сравнительный анализ», *Вопросы истории естествознания и техники*, 37 (1), 2016, с. 85-109.

4. Kristin Roth-Ey et Larissa Zakharova, «Communiquer en URSS et en Europe socialiste», *Cahiers du Monde russe*, 56 (2-3), 2015, с. 253-371.

5. *The Slavonic and East European Review*, 91 (1), 2013, (special issue «Trust and Distrust in the USSR»).

6. Й. Горлицкий, «Структуры доверия после Сталина», *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*, 6 (92), 2013, с. 136.

ключевые результаты проекта (созданы и испытаны советские атомная и водородная бомбы). Поскольку социальные процессы инертны, и их изменение не происходит одновременно, сложно оборвать повествование 1953 г., годом смерти И.В. Сталина. Поэтому верхняя граница несколько условна и продлена до середины 1950-х гг., после которых происходят качественные сдвиги в системе секретности и коммуникации советского атомного проекта, могущие стать объектом отдельного изучения.

Сосредоточение на этом периоде оправдано и источниковой базой: наибольшему рассекречиванию в центральных российских архивах подверглись документы советского атомного проекта, появившиеся до 1956 г. По крайней мере, это крайняя дата многотомного сборника *Атомный проект СССР: Документы и материалы*⁷, являющегося на данный момент главным источником для исследователей «атомной» истории СССР. На многих документах, посвященных советскому атомному проекту, все еще сохраняется гриф секретности. Для свободного пользования недоступны соответствующие коллекции в Архиве Президента РФ и в «Центратомархиве», частично к ним ограничен (или невозможен в некоторых случаях) доступ в Государственном архиве РФ, также как в региональных и местных архивах. Тем не менее, опубликованные делопроизводственные архивные документы и неопубликованные материалы (которые удалось собрать в областных и местных городских архивах закрытых атомных городов), в том числе, обширная мемуарная и автобиографическая литература, позволяют обратиться к проблемам секретности и доверия, коммуникации и повседневности в советском атомном проекте. Используемые источники дали возможность реконструировать не только институциональную, но и социо-ментальную сторону вопроса.

Государственная тайна

Образно говоря, атомный проект в СССР был синонимом слова «секретность». Все, что оказывалось «внутри» проекта, становилось секретным, совершенно соответствуя определению этого слова, данному в одном из классических толковых словарей русского языка⁸, то есть скрытым, неизвестным другим (посторонним). Такими «посторонними» для атомного проекта были все, кто не принимал в нем участие. Поскольку проект был направлен на обеспечение безопасности государства, сам факт его существования скрывался и на международном и на общесоветском уровнях. И если в довоенное время в СССР тайна не делилась на партийную и государственную, то на примере

7. Л.Д. Рябев, ред., *Атомный проект СССР: Документы и материалы*, в 3 т., М. – Саров, 1998-2010.

8. Д.Н. Ушаков, *Большой толковый словарь современного русского языка*, М., 2008, с. 617.

советского атомного проекта мы можем констатировать это появившееся разделение. Атомный проект стал прежде всего государственной тайной. Он стоял над партийными структурами, чьи полномочия в отношении проекта ограничивались второстепенными вопросами⁹. Как отмечал в 1953 г. управляющий делами Совета Министров СССР М.Т. Помазнев, «Спецкомитет¹⁰ подменял не только Совмин, но и ЦК КПСС»¹¹.

На государственном уровне законодательным основанием организации секретности в проекте послужило несколько документов. 8 июня 1947 г. было принято постановление Совета Министров СССР от «Об установлении перечня сведений, составляющих государственную тайну, разглашение которых карается по закону». Появление данного постановления Олег Хлевнюк и Йорам Горлицкий связывают именно с усилением мер безопасности и ужесточением доступа к информации в условиях эскалации холодной войны¹². Симптоматично, что перечень, составленный согласно этому постановлению, содержал пункт о том, что к такой секретной информации могут быть отнесены те «сведения, которые будут признаны СМ СССР не подлежащими разглашению». Такое расширенное толкование по-сути было основанием для субъективного применения норм перечня. В марте 1948 г. Постановлением Совета министров СССР был принят более широкий перечень главнейших сведений, составляющих государственную тайну¹³. В Постановлении 1948 г. впервые для аналогичных советских документов было определено, что «к государственной тайне относятся как сами сведения, ее составляющие, так и связанные с этими сведениями материалы (переписка, документы и пр.)»¹⁴. Таким образом легитимировалась та практика секретности, которая уже бытовала к этому времени в советском атомном проекте, на документах которого (постановлениях, распоряжениях, отчетах, письмах и проч.), начиная с 1942 г., стояли реквизиты «секретно», «совершенно секретно», «особо секретно» и высший гриф – «совершенно секретно/особая папка».

Организация секретности и режимности в атомном проекте велась по нескольким направлениям одновременно. В 1945 г. в Наркомате государственной безопасности был создан отдел «К», отвечающий за контрразведывательное сопровождение объектов атомной промышленности с последующей организацией оперативно-чекистских групп на местах. Они занимались

9. Артемов, «Советский атомный проект в системе «командной экономики», с. 278.

10. Руководящий орган советского атомного проекта в 1945-1953 гг.

11. Докладная записка М.Т. Помазнева в ЦК КПСС и Правительство СССР о деятельности Л.П. Берии, 6 июля 1953 г., в А.Н. Яковлев, ред., *Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма шольского пленума ЦК КПСС и другие документы*, М., 1999, с. 364.

12. Хлевнюк, Горлицкий, *Холодный мир*.

13. Перечень от 1 марта 1948 г. действовал до 1959 г.

14. М.В. Зеленев, «Военная и государственная тайна в РСФСР и СССР и их правовое обеспечение (1917-1991 гг.)», *Ленинградский юридический журнал*, 1, 2012, с. 154.

проверкой кадров, охраной ключевых ученых атомного проекта, проводили оперативную работу по предотвращению утечки секретных данных. В Первом главном управлении (ПГУ)¹⁵ за обеспечение режима секретности отвечал генерал-лейтенант П.Я. Мешик, бывший заместитель начальника Главного управления контрразведки («СМЕРШ»). В его подчинении был отдел кадров ПГУ и Отдел охраны объектов и охраны секретности¹⁶. Генерал Мешик занимался и устройством возникающих вокруг «атомных» предприятий секретных зон, ныне известных как закрытые атомные города. На режимных предприятиях создавались секретные отделы, называемые «первыми», которые вели работу по организации и контролю секретных работ, хранению и учету секретной документации, обеспечению сохранности государственной тайны. Сверх первых отделов, бывших традиционными для советской системы секретности, для контроля за научно-исследовательскими институтами, лабораториями и предприятиями формирующейся атомной отрасли в 1946 г. была введена должность уполномоченного Совета народных комиссаров (Совета министров) СССР¹⁷. Ими назначались офицеры и генералы Министерства внутренних дел и Министерства госбезопасности. Эта управленческая структура подчинялась лично Л.П. Берии и координировала работы по обеспечению секретности и охране «атомных» объектов от «шпионажа, диверсий и вражеской агентуры».

Всех участников атомного проекта сохранять государственную тайну и соблюдать правила секретности «стимулировала» подписка о неразглашении. К секретным сведениям в ней относилась информация об «атомном» учреждении или предприятии, его структуре, месторасположении, производственной направленности, сырье, выпускаемой продукции, оборудовании, мощностях, технологии производства, кадрах, руководстве¹⁸. Подписка содержала предупреждение о привлечении к уголовной ответственности в случае разглашения секретных сведений. Наказание за это предусматривалось в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 г. «Об ответственности за разглашение государственной тайны и утрату документов, составляющих государственную тайну»¹⁹. По сравнению с аналогичным указом военного времени, принятым в ноябре 1943 г., данный

15. Исполнительный орган советского атомного проекта в 1945-1953 гг.

16. Постановление СНК СССР № 2531-678сс «О штатном расписании и ставках заработной платы Первого главного управления при СНК СССР и Первого управления Госплана СССР» и Постановление СМ СССР № 803-325сс «Вопросы Первого главного управления при Совете Министров СССР», 5 марта 1954 г., *Атомный проект СССР: Документы и материалы*: в 3 т. / Под общ. ред. Л.Д. Рябева, т. II, кн. 2, Саров, 2000, с. 32, 199.

17. Постановление СНК СССР № 523-215сс «Об уполномоченных Совнаркома Союза ССР при важнейших научно-исследовательских институтах и лабораториях», *Атомный проект СССР*, т. II, кн. 1, с. 420-421.

18. ГААОСО (Государственный архив административных органов Свердловской области), ф. 1, оп. 2, д. 30091, л. 36.

19. *Известия*, 10 июня 1947 г., с. 1.

указ был даже более жестким. Гражданским лицам грозило заключение в исправительно-трудовом лагере на срок от 5 до 12 лет, военным – от 10 до 20 лет.

С привлечением к «атомным» работам все большего количества организаций из числа Академии наук, Народных комиссариатов сохранять проект в тайне было очень сложно. Для поддержания соответствующего уровня секретности был выбран путь создания соответствующих научных и производственных центров «в изолированных районах страны»²⁰. При поиске таких мест требовалось соблюсти баланс между двумя условиями: относительной их удаленностью от государственных границ и столицы и сравнительной близостью от крупных индустриальных городов. Первое условие диктовалось требованиями секретности и безопасности: расстояния должны были защитить столицу, если произойдет техногенная авария, а расположение «в глубине» страны – обезопасить сами эти центры в случае внешней военной угрозы. Второе условие позволяло обеспечить доступ к промышленным, топливно-энергетическим и людским ресурсам, а также к транспортным магистралям, необходимыми для доставки огромного потока грузов на строительные площадки. После некоторых поисков нужные территории были найдены в европейской части страны, на Урале и в Сибири (таким образом, все располагались в пределах РСФСР).

Показательно, что подыскиваемые места дислокации характеризовались как «глухие»: «[...] здоровое, живописное место, удобное для расселения квалифицированных кадров, в то же время достаточно глухое для размещения завода специального назначения»²¹. Семантически «глухое место» понимается как заброшенное, малонаселенное, при этом не только как не слышащее (не воспринимающее), но и как немое, которое не может издавать звуки²². Тем самым дискурс отражал выстраиваемый вокруг атомных предприятий и городов двусторонний коммуникативный барьер. «На входе» система не должна была воспринимать (и принимать) посторонних (не проверенных, не имеющих отношения к производству). «На выходе» информации ей следовало быть «немой» по отношению к секретным сведениям.

Принципы организации этих объектов следовали не только американскому прототипу закрытого предприятия и секретного города, известному благодаря советской разведке, как утверждает Кейт Браун²³. У Советского Союза были и

20. Рапорт начальника 1-го Управления НКГБ СССР П.М. Фитина наркому В.Н. Меркулову о неудовлетворительном состоянии работ по атомному проекту и нарушениях режима секретности в Лаборатории № 2, *Атомный проект СССР*, т. I, ч. 2, М., 2002, с. 238.

21. Письмо Б.Л. Ванникова, А.П. Завенягина и Н.А. Борисова Л.П. Берии с предложением о размещении завода № 813 в Верх-Нейвинском, *Атомный проект СССР*, т. II, кн. 2, Саров, 2000, с. 353.

22. Т.М. Николаев, ред., *Исследования по лингвистике и семиотике*, М., 2010, с. 547–548.

23. Подробнее об этом см.: К. Brown, «The Closed Nuclear City and Big Brother: Made in America», *Ab Imperio*, 2, 2011, с. 159–187.

собственные образцы, черты которых просматриваются в контурах закрытых городов: это опыт русских городов-заводов, которые начали строиться в конце XVI-XVIII вв.; практика строительства предприятий советской оборонной промышленности в годы Второй мировой войны; и, наконец, модель организации пространства, воплощенная в системе ГУЛАГа. По выражению А.Д. Сахарова закрытый город представлял собой «симбиоз из сверхсовременного научно-исследовательского института, опытных заводов, испытательных полигонов – и большого лагеря»²⁴.

Местности, отведенные под «атомные» предприятия и поселения, исключались из учетных данных по административно-территориальному делению РСФСР и до начала 1990-х гг. не значились на географических картах страны. В случае с современным Саровым, где расположился первый в стране научно-исследовательский ядерный центр, отдельным постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР и соответствующим Указом было прекращено юридическое существование поселка Сарова (с ударением на последний слог), а распоряжением уполномоченного Совета министра СССР П.Я. Мешика запрещалось даже упоминать это историческое название²⁵. Для людей, живших в округе, оно наполнилось запретно-опасным смыслом, поэтому о нем старались вообще не говорить и постепенно оно совсем вышло из употребления.

Градообразующие «атомные» предприятия причислялись к категории особо режимных объектов, а районы их расположения и окрестности в радиусе нескольких километров (для каждого объекта определялся свой радиус) – к режимным зонам с особым паспортным режимом, из которых выселялись неблагонадежные граждане (бывшие на иностранных территориях, военнопленные, спецпереселенцы, осужденные).

Войсковая охрана первоначально следила за периметром территории, границы которой были отмечены лишь на карте. Патруль проходил по лесным дорогам, просекам, пешеходным тропам, а если их не было – по зарубкам на деревьях, сделанными военнослужащими²⁶. Затем по этой виртуальной границе был выстроен забор, доходящий в высоту до трех метров, и наблюдательные вышки. Забор венчали несколько нитей колючей проволоки и сопровождала контрольно-следовая полоса. Для входа/выхода из города оборудовались охраняемые контрольно-пропускные пункты (КПП). Выделялась одна или несколько необходимых охраняемых дорог, по которым разрешалось движение к городу. Если были другие проселочные дороги, ведущие к запретной зоне, то они перекрывались.

24. А.Д. Сахаров, *Воспоминания*, в 2-х т, т. 1, М., 1996, с. 163.

25. Е.А. Негин, Л.П. Голеусова, Г.Д. Куличков, П.П. Максименко, Г.С. Окутина, *Советский атомный проект. Конец атомной монополии. Как это было...*, Саров, 2006, с. 88.

26. Л.А. Кочанков, *Служба безопасности РФЯЦ-ВНИИЭФ: История создания и развития*, Саров, 2006, с. 24.

Для контроля за людьми и их передвижениями имелась многоуровневая система пропусков. Пропуск предъявляли, чтобы войти в город и выйти из него. Такие пропуска были постоянными, временными (для тех, кто работал внутри зоны, но проживал за ее пределами и для тех, кто жил в зоне, но работал вне ее) и разовыми (для командировочных, например). Существовали пропуска на различные виды транспорта (в том числе и на гужевой). Отдельные пропуска давали право попасть на само градообразующее предприятие (они выдавались только тем, кто имел профессиональное отношение к производству). Специальные отметки регламентировали посещение какого цеха, отдела или лаборатории разрешено владельцу пропуска. Заводы, здания, подразделения и цеха числились под определенными номерами, их полагалось знать лишь работникам, а проверявшие пропуска солдаты охраны определяли «своих» по символам (изображения животных, транспорта, различные звезды и проч.²⁷).

Информационные коды и семантические шумы

Информационное поле атомного проекта было насыщено разного рода зашифрованной информацией, условными названиями и ложными (отвлекающими) предметами. Формировались специфические информационные коды, одни из которых были частью системы по охране гостайны (назовем их «официальные»), другие стихийно появлялись в повседневном дискурсе. В этом закодированном пространстве приспосабливались жить люди, используя официальные коды и изобретая собственные, преодолевая или игнорируя семантические помехи.

Непосредственно создание атомной бомбы именовалось в документообороте «проблемой № 1», а вообще все то, что так или иначе было связано с созданием атомного оружия, — «специальными работами». Данная формулировка не только скрывала то, что являлось государственным секретом, но и подчеркивала особый статус этой деятельности. «Специальными» назывались совещания и комиссии, решения и постановления, исследовательские группы и лаборатории, кадры и отдельные лица, приборы, установки и оборудование, помещения, охрана, счета, литература и т.д.

Все производственные единицы считались «объектами». Это было общее наименование, маркирующее их как поле приложения сил и действий. В пространстве проекта действовали конспиративные склады, конторы и квартиры, через которые шла переадресовка и переправка грузов, предназначенных для Первого главного управления, или которые выполняли

27. На первый взгляд они кажутся случайными и совершенно не связанными с производственной направленностью (медведь, петух, лошадь и проч.). Пока не удалось установить, по какому принципу присваивалось изображение тому или иному производственному подразделению.

функцию промежуточного звена при отправке работников на объект²⁸. По реальным макетам атомных предприятий строились ложные заводы и комбинаты, которые должны были отвлекать внимание от действительных: «атомный комбинат по производству плутония» в районе г. Усть-Каменогорска в действительности был предприятием по переработке бериллиевых руд, «диффузионный комбинат» в 140 км от Куйбышева – заводом точных приборов, «завод по сборке атомных бомб» в Приморском крае – химическим заводом по производству урановых концентратов²⁹.

«Атомные» институты, лаборатории и заводы имели номера: Лаборатория № 2, НИИ-9, завод № 817, КБ-11. Их названия разнились в зависимости от того, для кого предназначалось их употребление (внутри ПГУ, между министерствами и ведомствами, для местных организации), и изменялись во времени. Так, завод № 814 (с 1951 г. – № 418) для поставщиков был Базой-9 и Северо-Уральским складом Главгорстроя СССР, для местных организаций – заводом № 814 ПГУ при СМ СССР, а с 1949 г. – заводом «Электрохимприбор» Министерства химической промышленности СССР. Также он назывался и по «почтовому ящику» – Предприятие п/я 131 (это название значилось и в трудовых книжках работников)³⁰. Фигурирующие названия – «база», «склад» или «контора» – должны были, видимо, вызывать ассоциацию с какими-то очень приземленными, обычными, рядовыми заведениями.

Существовала система специальных обозначений для химических элементов, сырья, производственных методов. Она была одобрена на заседании Специального комитета при Совете министров СССР в 1949 г.³¹ В переписке с уранодобывающими предприятиями слово «уран» заменялось на «стронций» (для Комбината № 6), «свинец» (для Дальстроя СССР), «фосфор» (для Министерства металлургической промышленности), «титан» (для Министерства геологии), «смола» (для Комбината № 7). В переписке с научно-проектными и исследовательскими организациями уран обозначался как «кремнил», плутоний заменялся на «аметил», радий – на «воприл» и т.д. Уран-графитовый реактор скрывался под «конденсационным методом», газодиффузионный метод в документах был «турбулентным», а электромагнитный метод – «гравитационным». Атомная, а позднее и водородная бомба называлась в официальных документах «изделие». В дискурсе закрытых городов «изделием» или «продукцией» именовались любые разновидности

28. Постановление СМ СССР № 3572-1432сс/оп «О дополнительных мерах по сохранению секретности сведений, относящихся к “специальным работам”», 25 сентября 1948 г., *Атомный проект СССР*, т. II, кн. 4, Саров, 2003, с. 151-156.

29. Справка о ложных объектах, 25 марта 1951 г., *Атомный проект СССР*, т. II, кн. 5, М. – Саров, 2005, с. 652.

30. Н.В. Мельникова, С.А. Рясков, ред., *Атомные города Урала. Город Лесной: энциклопедия*, Екатеринбург, 2012, с. 247.

31. Протокол № 73 заседания Специального комитета при Совете министров СССР, *Атомный проект СССР*, т. II, кн. 1, Саров, 1999, с. 345-351.

производимого на секретных предприятиях (за этими словами мог скрываться уран, плутоний, литий, детали атомной бомбы и проч.).

Привыкнув к этим условным обозначениям люди автоматически транслировали их вне системы. Так этот иносказательный язык попал, например, в пятитомный «Справочник химика» (1951 г.), разошедший по стране большим тиражом. Главы, посвященные радиоактивности, содержали выражения «1-ый расход», «2-ой расход» и т.д., а это были ведомственные секретные коды для альфа, бета и т.д. излучений, которые были понятны только «своим».

С другой стороны, секретность становилась той информационной помехой, которая препятствовала адекватному пониманию даже среди «своих». Показателен случай, произошедший в начале 1950-х гг. в Лаборатории измерительных приборов АН СССР, куда А.И. Веретенников (будущий заместитель главного конструктора ВНИИЭФ по внешним испытаниям, а тогда начинающий научный сотрудник КБ-11) был направлен для участия в семинаре с результатами своих исследований по урану. В своем сообщении он рассказывал об измерениях на «олове-118» (как в соответствии с режимными требованиями КБ-11 следовало называть естественный уран). Доклад был встречен «непонятым молчанием». В конце один из присутствующих на собрании известных физиков высказал сомнение в правильности результатов для олова. Тут молодой ученый проговорился. «Так это же не олово! [...] это же уран!», – сказал он, испугавшись произнесенного. Реакция аудитории была бурной: «А что же вы нам так долго голову морочили!»³². Так режим секретности заставлял говорить на разных языках и тех, кто занимался схожими вопросами.

Тенденция к зашифровыванию распространялась не только на научные понятия, но и на фамилии первых лиц атомного проекта: согласно приказу ПГУ от 29 декабря 1948 г. И.В. Курчатов должен был именоваться в несекретных письмах и телеграммах Бородиным, Б.Л. Ванников – Бабаевым, М.Г. Первухин – Георгиевым, А.П. Завенягин – Павловым, Е.П. Славский – Ефимовым³³. В большинстве своем конспиративные формулы были довольно просты: в «тайных» фамилиях читаются отчества (у Первухина, Завенягина, Славского, Мешика). Эти кодовые имена использовались в служебной несекретной переписке, в секретной же фигурировали настоящие фамилии.

Словно продолжая «тему» кодирования, в повседневном дискурсе употреблялись прозвища. Особенно они были популярны среди физиков: Абуша (А.И. Алиханов), папа (А.Ф. Иоффе, родоначальник школы советских физиков), Кентавр (П.Л. Капица, умевший быть и «очень мягким, и очень жёстким»), Дау (Л.Д. Ландау, как объяснял он сам, от фр. l'âne Dau – осел Дау),

32. А.И. Веретенников, сост., *Рассказы атомщиков. И в шутку, и всерьез*, М., 1998, с. 61.

33. Р.В. Кузнецова, «Историографический обзор источников и литературы по теме “Академик Игорь Васильевич Курчатов (1903-1960)”», с. 34, URL: <http://www.nrcki.ru/files/pdf/1405942082.pdf>; Негин и др., *Советский атомный проект*, с. 93.

Чук (И.А. Померанчук), Халат (И.М. Халатников), Юбрь (Ю.Б. Харитон), Ябрь (Я.Б. Зельдович)³⁴. Так это сообщество, раздавая системные имена, определяло свои границы, противопоставляя свою среду (творческую, живую) официальному, рутинному. Прозвища были символом принадлежности к группе, включенности в систему ее социальных отношений с определенными правами и обязанностями. Самым известным было прозвище И.В. Курчатова: его, обладателя пышной бороды, так и называли – «Борода».

Богат и славен Борода,
Его объекты несчислимы,
Ученых бродят там стада.
Хотя и вольны, но... хранимы³⁵.

Естественно, большинство не адресовались так к Игорю Васильевичу «в глаза», поскольку такое обращение предполагает довольно личностное, близкое общение, но о кличке знали многие, в том числе и не входившие в сообщество физиков (например, работники плутониевого завода в г. Озерске) и использовали ее заочно. Именно это прозвище легло в основу его условной фамилии, равно, как и условная фамилия Б.Л. Ванникова была образована от прозвища, данному ему И.В. Курчатовым – «бабай»³⁶, что по-казахски означает «старик, предок по отцовской линии» (видимо, тот, кто составлял документ о присвоении кодовых имен знал этот внутренний сленг и был не лишен чувства юмора, перенося его в официальное поле).

Оказавшись в относительной изоляции люди стремились освоить и присвоить пространство, персонифицируя его и населяя понятными им образами. В неофициальном дискурсе закрепились различные обозначения атомного предприятия (а заодно и поселения). Для тех, кому после стажировки только предстояло отправиться к месту будущей работы, это была «точка», «база», «объект». Кроме того, были распространены названия по фамилии руководителя – «хозяйство Зернова», «хозяйство Чурина», «хозяйство Васильева».

Юридические названия появились у закрытых городов после 1954 г. (в подавляющем большинстве они соответствуют современным). Но они были секретными и мало употреблялись даже в официальных документах. А большинство жителей таких городов вовсе не знало о юридическом имени своих поселений и пользовалось условным номерным (Свердловск-44, Томск-7 и

34. А.И. Веретенников, «Рядом с атомной бомбой», *Наука и жизнь*, 1, 2000, с. 53; Г.Т. Волобуев, *Генерал А.С. Александров и тайны Атомного проекта СССР*, Зеленогорск, 2011, с. 76; Е.М. Лившиц (Из лекции Е.М. Лифшица в Японии в 1984 году), «Ландау – ученый, учитель, человек», URL: http://ggorelik.narod.ru/Dau/ZS_Landafshits.htm; И.М. Халатников, *Дау, Кентавр и другие. Top non-secret*, М., 2008, с. 40.

35. Л.В. Альтшулер, «Вся жизнь в атомграде», *Наука и жизнь*, 2, 1994, с. 26.

36. Волобуев, *Генерал А.С. Александров и тайны Атомного проекта СССР*, с. 77.

т.д.), а в повседневном дискурсе неформальным наименованием: «сороковка» – Челябинск-65 (а до этого Челябинск-40), ныне Озерск, «семерка» – Свердловск-45, ныне Лесной, «девятка» – Красноярск-26, ныне Железногорск (в двух последних случаях наименование происходит от номера одного из почтовых ящиков, присвоенных городским предприятиям).

Самым жизнестойким для обозначения закрытого «атомного» поселения в неформальном дискурсе оказалось слова «зона». Оно используется в речи до сих пор, в то время как остальные постепенно вышли из активного словаря. По всей видимости это произошло потому, что градообразующее предприятие со временем обрело название, которое стало можно озвучивать, таким образом оно легализовалось. В тоже время территория всего города неизменно осталась закрытой, огороженной забором, охраняемой солдатами, служебными собаками, и ассоциация с одной из наиболее распространенных трактовок этого слова, означающая тюремную, лагерную территорию, показала себя наиболее жизнеспособной. Однако значение, вкладываемое в это слово резидентами закрытых городов, далеко от негативной пенитенциарной окраски. Для них «зона» лишь привычно обозначает закрытую территорию. Наделение новым смыслом тюремного тезауруса прослеживается и на другом примере. К заключенным, строившим институтские корпуса КБ-11, был обращен висевший на улице плакат: «Запомни эту пару строк: работай так, чтоб снизить срок!»³⁷. Ученые, инженерно-технические работники, читая этот плакат, относили его и к себе, понимая упоминаемый там «срок» как промежуток времени, отпущенный на изготовление атомного оружия. Так из продолжительности тюремного заключения «срок» становился периодом, выделенным правительством для выполнения важного государственного задания. Видимо близкое соседство с заключенными и общий антураж (колючая проволока, охрана и проч.) не давали возможности избежать тюремной лексики, однако она обретала иные коннотации.

В противовес «зоне» территория вне объекта называлась «Большая земля». В этом эвфемизме читается и противопоставление (если там «Большая земля», значит здесь – малая), которое подчеркивает обособленность, но, вместе с тем, это и намек на неразрывную связь (малое – часть большого). Это выражение использовалось и в Сарове, и в удаленных от него на тысячи километров секретных атомных поселений Урала и Сибири, что свидетельствует о единстве ощущений их резидентов.

Ядерный реактор назывался «котел», но первый промышленный атомный реактор (объект «А») имел собственное имя – Аннушка, другое женское имя – Татьяна – закрепилось за первой серийной атомной бомбой. Есть две расшифровки аббревиатуры первого опытного ядерного заряда РДС – «Реактивный Двигатель Сталина» или «Россия (варианты – Родина, русские) Делает Сама». Авторство фраз приписывается и И.В. Сталину, и К.И. Щелкину, и обезличено – сотрудникам КБ-11. Однако, согласно документам, все было гораздо

37. Альтшулер, «Вся жизнь в атомграде», с. 26.

прозаичней, и аббревиатура скрывала «реактивный двигатель С»³⁸ (специальный). При этом все же существование обеих мифологем довольно симптоматично, показывает российское отношение к отечественной атомной бомбе (здесь и государственный характер дела, и дань «вождю народов», и патриотизм, и национальная гордость свершенным). Нашлось место в этом ряду и Л.П. Берии: новому атомному реактору серии «АД» был присвоен индекс ЛБ-120 (аббревиатура ЛБ расшифровывается как «Лаврентий Берия», а число 120 взято от условного наименования плутония – теллур-120). Индекс продержался недолго, после «разоблачения» Берии он был заменен на ОК-120 (ОК – особая конструкция)³⁹.

Вообще с именами начальников различных рангов и научных руководителей были связаны многие выражения. Одно из самых известных в «атомном» фольклоре – «сначала мы «обхаритонили» американцев, а затем их «забабахали». Фраза обыгрывает фамилии научных руководителей двух основных коллективов-разработчиков ядерного оружия – Ю.Б. Харитона и Е.И. Забабахина. Тонкая игра слов показывает направленность и значение создания советской атомной бомбы как процесса, в котором следовало догнать, сравняться, обойти и превзойти США (в этом случае слово «обхаритонить» заменяет «обойти», «перехитрить», а «забабахать» – «победить», «подавить»).

Каналы связи

Параллельно с формированием представлений о том, какая информация в атомном проекте не подлежит трансляции, а какая подлежит (в какой степени, кому и в каком виде), определялись каналы ее передачи. Традиционным официальным каналом связи было почтовое сообщение. Некоторые письма шли обычной почтой, особенно, на начальных этапах реализации атомного проекта. Большинство – специальной почтой, дипломатической, курьерскими доставками (фельдъегерской связью). Объемы секретных документов были таковы, что курьеры могли часами ожидать в кабинете директора «атомного» завода, пока он ознакомится с ними. Некоторые документы согласно особой приписке уничтожались сразу же после прочтения: директор «сам вскрывал и читал документы. Затем прочитанное сворачивал, ставил в таком виде в пепельницу и поджигал»⁴⁰.

Вместо конкретного адреса использовался номер почтового ящика (сокращенно – п/я), на который отсылалась корреспонденция. Подобные адреса-

38. Постановление Совета министров СССР № 1286-525сс «О плане развертывания работ КБ-11 при Лаборатории № 2 АН СССР», *Атомный проект СССР*, т. II, кн. 1, Саров, 1999, с. 435.

39. В.П. Зернов, *Скала: Книга, посвященная 60-летию ФГУП «ГХК»*, Красноярск, 2010, с. 111.

40. П.Г. Кириллов, ред., *Часовые порядки: Служба безопасности Уральского электрохимического комбината. Исторические очерки (1946-2006)*, Новоуральск, 2006, с. 133.

ящики присваивались не только градообразующему предприятию в целом, но и отдельным его структурным подразделениям. К моменту создания предприятий атомной промышленности это была распространенная практика для военно-промышленных предприятий. В выражении «работать в почтовом ящике» (или просто – в «ящике»), имевшем хождение в СССР и означавшем труд на оборонном заводе или институте, подтекстно читается замкнутое изолированное пространство.

В личной почтовой и телеграфной переписке первоначально указывались близлежащие к месту строительства населенные пункты. Однако после 1948 г. чтобы исключить эту конкретную географическую «привязку» вводилось использование наименования ближайшего областного центра с определенным номером почтового отделения: для уральских городов это были Свердловск или Челябинск, для сибирских – Красноярск или Томск. Названия улиц и номера домов закрытых поселений соответствовали аналогичным улицам и домам областных центров. Например, работникам первого отечественного завода по производству обогащенного урана с нового 1949 г. в почтовом адресе следовало указывать не поселок Верх-Нейвинск как ранее (неподалеку от него развернулось возведение завода), а 44 почтовое отделение г. Свердловска. Родственникам и знакомым, с которыми велась переписка, нужно было сообщить, что причиной смены адреса стало изменение места работы. Это оговаривалось в специальной подписке, наряду с обязательствами поставить в известность о новом адресе взрослых членов семьи, проживающих там же, нести за них ответственность при использовании этого адреса и неразглашении обстоятельств его смены, поскольку все это квалифицировалось как государственная тайна. Этот же областной центр писался в графе «место рождения» в свидетельстве о рождении и в паспорте жителей закрытых атомных городов, его же должны были называть командировочные и отпускники в беседах с посторонними, когда речь заходила об их «географической дислокации».

Разница между реальным местоположением и тем, которое было указано в документах, приводила к различным сложностям понимания у участников коммуникации, что, зачастую, вело к результатам, противоположным желаемым. В то время, как условный адрес должен был скрывать истинную локацию и быть одной из многочисленных завес атомного проекта, он вызывал ненужный интерес, дополнительные расспросы, грозя рассекречиванием. Когда сотрудники КБ-11, взятые на работу из местных жителей, в личной переписке использовали адрес «Москва, Главпочтамт, п/я 49», это возбуждало у их родственников неподдельное любопытство, как «тетя уборщица из деревни Балыково попала в Москву»⁴¹. Не могли внятно объяснить ситуацию с адресами и супруги-инженеры, работавшие на том же предприятии, когда оказались в командировке: отдел режима, не учитывая их семейное положение, проставил в их паспортах разные адреса, что зародило

41. Кочанков, *Служба безопасности РФЯЦ-ВНИИЭФ*, с. 40.

подозрение у работницы гостиницы⁴². Непонятный адрес насторожил даже Министерство кинематографии, которое в 1948 г. потребовало сообщить название населенного пункта, куда систематически направлялись кинокартины. Не получив ответа, министр культуры И.Г. Большаков запретил поставлять кинофильмы «неизвестно куда», и население закрытого поселка осталось без этой популярной формы досуга. Только письмо директора секретного предприятия (П.М. Зернова) на имя Л.П. Берии помогло решить эту щекотливую ситуацию⁴³.

Оперативная связь обеспечивалась посредством телефона. Телефонные сообщения между атомными предприятиями, учреждениями и «центром» (с Первым главным управлением, а затем с министерством) устанавливалась по линии «ВЧ» (высокочастотная)⁴⁴. Зародившись как оперативная связь ОГПУ, с 1931 г. она обслуживала правительственные переговоры. В атомном проекте первый телефон кремлевской связи был установлен для И.В. Курчатова в 1944 г.⁴⁵. ВЧ-связь была автономна от связи общего пользования, находилась в ведении органа обеспечения государственной безопасности, отличалась лучшим качеством из-за использования более высокого линейного спектра частот и сопровождалась организационными, оперативными, техническими мерами защиты переговоров⁴⁶. Распространение властью своего охраняемого информационного канала на «атомные» коммуникации было еще одним знаком их важности.

С 1948 г. в коммуникативном пространстве атомного проекта телеграфная переписка несекретного содержания должна была передаваться только телеграммами серии «П» (по проводам), «исключив возможность прохождения их через промежуточные пункты по радио», а в пунктах, не имеющих телеграфной связи, – посредством письменной корреспонденции⁴⁷. Также запрещалось вести открытым текстом радиотелефонные переговоры по вопросам «специальных работ».

На местах создавались отделы спецсвязи, которые передавали и принимали закрытую информацию в виде криптограмм. Специалисты такого отдела имели право пройти к руководству предприятия в любое время, независимо

42. А.В. Митюков, *Записки конструктора*, Лесной, 2004, с. 9.

43. Письмо. Зернов П.М., Разоренов Н.И. – Берии Л.П. Об обеспечении кинокартинами для демонстрации на объекте, *История создания ядерного оружия в СССР 1946 – 1953 годы (в документах)*, в 7 т., т. 2, кн. 2, Саров, 2000, с. 232.

44. Постановление Совета министров СССР № 1286-525сс «О плане развертывания работ КБ-11 при Лаборатории № 2 АН СССР», *Атомный проект СССР*, т. II, кн. 1, Саров, 1999, с. 439.

45. Записка В.А. Махнева Л.П. Берии об установке у И.В. Курчатова телефона кремлевской связи, *Атомный проект СССР*, т. I, кн. 2, М., 2002, с. 169.

46. «История и современность Спецсвязи ФСО России», URL: http://www.fso.gov.ru/struktura/p2_1_2.html.

47. Постановление СМ СССР № 3572-1432сс/оп «О дополнительных мерах по сохранению секретности сведений, относящихся к “специальным работам”», *Атомный проект СССР*, т. II, кн. 4, Саров, 2003, с. 151-156.

от его занятости. Если сообщение приходило во время крупного совещания, директор прерывал разговор, чтобы ознакомиться с информацией⁴⁸.

Не только чрезвычайная связь, но и обычная телефонная была очень востребована и распространена в атомном проекте. С одной стороны, телефон был функционально необходим как средство оперативных контактов в условиях создания принципиально нового производства. В этом отношении характерна история инженера М.П. Нерушина, руководителя одного из участков завода № 813, относящаяся к концу 1940-х гг. На участке произошла авария, на которую сам руководитель (М.П. Нерушин) прибыл последним. Директор завода А.И. Чурин встретил его упреками и спросил: «Что, у тебя нет телефона?» – «Нет». На этом разговор закончился. Авария была ликвидирована, все разошлись. Однако, когда Нерушин поздно вечером вернулся домой, на письменном столе он обнаружил действующий телефон и записку работников цеха связи с извинениями за то, что вскрыли его комнату, чтобы выполнить указание директора и установить аппарат⁴⁹. С другой стороны, получение возможности прямых телефонных контактов с «высшими силами» атомного проекта было свидетельством особого доверия, вхождения во «внутренний круг». А.Д. Сахаров отмечал, что в первые годы работы в КБ-11, возвращаясь в секретный город, он каждый раз получал пропуск на специальном приемно-передающем пункте (о которых речь пойдет ниже), являясь лично. Со временем он приобрел исключительное право сообщать о своих поездках по телефону. Но уже его сотрудники при поездках в Москву в отпуск или в командировку не имели такого права⁵⁰.

В качестве средств массовой коммуникации и информационного источника «рядовым» участникам проекта, работавшим в закрытых атомных городах, были, естественно доступны, центральная советская пресса (а для ученых – и специализированные иностранные газеты и журналы). Что же касается локальной, то вплоть до рубежа 1980 – 1990-х гг. закрытым атомным городам запрещалось иметь общегородскую многотиражную газету. Она считалась потенциально крайне опасным источником утечки информации, поскольку могла попасть за пределы секретной территории. Своя «пресса» существовала для градообразующего предприятия и некоторых городских учреждений в форме самостоятельных стенных газет. Из них можно было узнать какие-то сведения о жизни трудового коллектива, его партийного актива, профсоюзов. Первый отдел следил, чтобы в стенгазетах не появлялись заметки, из которых можно было бы сделать выводы о том, что конкретно производится или о численности работающих. Специфическая информация располагалась на стендах градообразующих

48. Кириллов, *Часовые порядка*, с. 130.

49. Фонды музея Уральского электрохимического комбината. М.П. Нерушин «Воспоминания о А.И. Чурине» в Т.Н. Постникова, сост., *Созидание (дела и люди). Сборник воспоминаний ветеранов УЭХК*, в 2-х ч. Рукопись, ч. 1, Свердловск-44, 1989, с. 14.

50. А.Д. Сахаров, *Воспоминания*, т. 1, с. 154.

предприятий, озаглавленных призывом «Будь бдителен!». Они содержали сообщения о нарушениях режима секретности объекта и последовавших наказаниях, публикации материалов из общесоюзной печати или местной практики об активности иностранных разведок, о революционной бдительности, высоком патриотизме и моральном облике советского человека. Такие «репортажи» позволяли манипулировать общественным сознанием, нагнетая обстановку шпиономании и формируя нужные властям трудовые мотивации.

«Частными» каналами информации была личная переписка, живое общение с родными, знакомыми и коллегами, в том числе и по телефону. Наличие домашнего телефона в СССР в рассматриваемый период (и позднее) было знаком некоего привилегированного положения, обладания дополнительным комфортом. Этот комфорт власти старались создать для занятых в атомном проекте: первый же жилой дом, переданный Лаборатории № 2, было приказано полностью телефонизировать в 1945 г.; уже к 1949 г. был телефонизирован поселок при КБ-11, а количество домашних телефонов в Челябинске-65 в 8 раз превышало показатели областного центра⁵¹.

Говоря о телефонизации закрытых атомных городов, не следует забывать и еще об одной, очень важной, ипостаси телефона: через прослушивание телефонных разговоров это было средство контроля над жителями⁵². Так же, как и перлюстрация личной корреспонденции, и работа информаторов КГБ (среди которых, кстати, были действительные добровольцы). Как и во всей стране по такой личностной информации определялись настроения и интересы граждан, их суждения о власти, о проводимых политических и хозяйственных мероприятиях, о жизни в СССР. Но в закрытых атомных городах, в первую очередь, следили за тем, чтобы за пределы обособленной территории не попали секретные сведения, связанные с производством ядерного оружия⁵³. Критические высказывания о советской жизни были вторичны и не влекли за собой серьезных преследований со стороны власти (если только они не классифицировались как антисоветская деятельность⁵⁴). Подверженные цензуре, письма не доходили до адресата, если в них обнаружива-

51. Из Постановления ГКО № 8581 сс/ов «О строительстве специальной установки при Лаборатории № 2 Академии наук СССР», *Атомный проект СССР*, т. I, кн. 2, М., 2002, с. 300; Негин и др., *Советский атомный проект*, с. 100; В.Н. Новоселов, В.С. Толстиков, *Тайны «сороковки»*, Екатеринбург, 1995, с. 405.

52. ЦДООСО (Центр документации общественных организаций Свердловской области), ф. 4458, оп. 1, д. 8, л. 97.

53. Наиболее жесткими правила личной переписки были для участников полигонных ядерных испытаний: им запрещалось писать личные письма во время командировки на полигон (Митюков, *Записки конструктора*, с. 10).

54. Как свидетельствуют дела Государственного архива административных органов Свердловской области 100 % осужденных за антисоветскую деятельность или агитацию в городах Новоуральске и Лесном в 1948-1953 гг. были солдатами срочной службы или заключенными, использовавшимися на строительстве, то есть не относились к «регулярному» населению.

лись запрещенные данные. Как, например, в письме, написанном в 1950 г. техником строительства г. Новоуральска к сыну: «мы строим секретный завод под землей, делаем мы бомбы, называемые атомными, делаем все военное оружие. [...] Это военный секрет, поэтому никого не отпускают и сюда не пропускают»⁵⁵. Цензурой оценивалось, насколько написанное в письме затрагивает тайные сведения. В частности, по поводу приведенного выше письма было решено, что «в письме упоминаются общие неконкретные сведения о режиме, а сведения о выпускаемой продукции не соответствуют действительности»⁵⁶. Подобные письма переправлялись руководству секретного объекта для принятия мер воздействия. Поскольку (благодаря цензуре) фактического разглашения государственной тайны не происходило, к уголовной ответственности не привлекали. Дело ограничивалось административным наказанием: выговором, снижением формы допуска к секретным сведениям, переводом в нережимные подразделения. В то же время, наказание следовало за разглашение гостайны в устной форме (в «атомном» дискурсе это явление называлось «непозволительная болтливость» или просто «болтовня»). Например, в Сарове в 1946-1950 гг. за рассказы своим близким некоторых подробностей об объекте были осуждены шесть человек (им дали по восемь лет лишения свободы)⁵⁷.

Жители закрытых атомных городов имели возможность воспользоваться и альтернативными источниками информации: передачами ВВС, «Голоса Америки», «Свободной Европы», китайского радиовещания. Д.А. Сахаров вспоминал, что И.Е. Тамм во время их жизни на объекте (1950-1953 гг.) регулярно слушал ВВС на английском и русском языках («тогда это было довольно необычно», — замечает автор мемуаров) и рассказывал в столовой за завтраком коллегам новости, которые узнавал из передач иностранного радио. На зарубежные волны настраивались и «рядовые» участники проекта, индивидуально или коллективно. Утверждение Алексея Юрчак о том, что слушание зарубежных станций в СССР не только не запрещалось, но даже поощрялось⁵⁸, не может быть распространено на жителей закрытых атомных городов. Опираясь на доступные архивные документы⁵⁹ можно заключить, что зарубежное радиовещание для закрытых городов не приветствовалось и считалось опасным, поскольку опосредованно могло повлиять на «трудовой энтузиазм» создателей атомного оружия. Однако, при этом у нас нет информации, почему в этом случае «голоса» все-таки были доступны: или они не глушились (и опять встает вопрос «почему?»), или глушились, но технически

55. ГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 31234, л. 34.

56. Там же, л. 60.

57. Кочанков, *Служба безопасности РФЯЦ-ВНИИЭФ*, с. 31.

58. А. Юрчак, *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*, М., 2014, с. 344.

59. ОГАЧО (Объединенный государственный архив Челябинской области), ф. 2469, оп. 6, д. 1, л. 108; ЦДООСО, ф. 4458, оп. 1, д. 23, л. 18; ф. 5459, оп. 14, д. 18, л. 25.

подготовленные радиолюбители-атомщики могли обходить эту цензуру. С учетом ограниченного доступа к архивным материалам, достоверных ответов на эти вопросы нет⁶⁰.

Возможности, которые открывались для участников атомного проекта в доступе к зарубежным радиостанциям и особой связи, ярко иллюстрирует драматичная история спасения дочери специалиста по импульсной рентгенографии В.А. Цукермана, в 1946 г. привлеченного Ю.Б. Харитоном к работам над проектом. 9-летняя Ирина заболела туберкулезным менингитом, который на момент 1946 г. в СССР был неизлечим. Отец девочки случайно услышал по радио передачу из Лондона (на русском языке) об открытии в США нового антибиотика – стрептомицина и применении его для лечения туберкулезного менингита в клинике братьев Майо. Вооружившись этой информацией, он добился разрешения через Академию наук СССР позвонить в США, чтобы проконсультироваться с доктором Хиншоу, первым применившим лечение этим новым антибиотиком. Звонок, осуществленный из коммунальной квартиры в Москве, помог установить дозу лекарственного препарата для девочки. Разговор вел друг Цукермана, владеющий английским языком, И.С. Галынкер. Он же позже, когда первый прием лекарства вызвал у ребенка тяжелый шок, составлял телеграмму к Хиншоу, которую удалось передать через экстренную международную телеграфную связь, обеспечившую обмен информацией за несколько часов. В итоге, девочка стала первым в СССР ребенком, вылеченным от туберкулезного менингита. Работника Энергетического института СССР Галынкера, не «защищенного» атомной бомбой (как другие участники этой истории), арестовали в 1948 г. Он обвинялся в подготовке покушения на Сталина, и одним из аргументов обвинения были «шпионские» заграничные звонки 1946 г. Его приговорили к 25 годам лишения свободы, в то время, как Цукерман и еще один «соучастник» Л.В. Альтшулер продолжали работать в КБ-11 на благо атомного проекта⁶¹.

В целом, когда тем или иным способом устанавливался факт какого-либо контакта участника атомного проекта с чем-нибудь зарубежным (будь то личная встреча (когда выезды за пределы закрытых поселений стали возможны), смелость (или беспечность?) вести переписку с заграничными родственниками, радиопередача, американские джинсы или жевательная резинка), местный отдел органов госбезопасности начинал проверку. Она преследовала цель доказать оправдательную версию («сбил с пути», простое любопытство) или обвинительную (сочувствующий капитализму, шпион). По результатам проверок принимались надлежащие меры. Шпионов,

60. С технической точки зрения в качестве объяснения можно привести версию о том, что «глушилки» не работали в том случае, когда приемники располагались неподалеку от железной дороги или водоема, которые обязательно присутствовали вблизи атомных производств и поселений (Д. Андреев, «Энциклопедия советской жизни», *Родина*, 6, 2014, с. 109).

61. Б.Л. Альтшулер, В.Е. Фортов, ред., *Экстремальные состояния Льва Альтшулера*, М., 2011, с. 324-328.

которых, редко, но выявляли⁶², ждало длительное тюремное заключение или смертная казнь. Остальных провинившихся соответственно тяжести проступка могли выселить из города, понизить в должности (с отстранением от секретных работ), уволить с предприятия как «утратившего доверие»⁶³. Все это предварялось (а, иногда и ограничивалось) «профилактическими беседами» с представителями органов государственной безопасности. Они проводились в случае незначительной провинности, к которой, например, была отнесена критика выпускаемой заводом продукции как предназначенной для уничтожения людей⁶⁴. После подобных бесед многие спешили подтвердить свою лояльность и писали благодарственные письма, адресованные сотрудникам госбезопасности: «Спасибо за помощь! Сердечное спасибо! Отныне я буду стоять на правильном пути и никуда не сверну с него больше»⁶⁵.

Доверие в конструировании социальных отношений в атомном проекте

В условиях тотальной секретности и режимности советского атомного проекта важной составляющей системы коммуникации был феномен доверия, через которое выстраивались отношения между государством и участниками проекта, и между последними внутри сообщества. Это доверие было одновременно и персонифицированным, построенным на личностных обязательствах, и системным, предполагающим безличностные обязательства по отношению к абстрактным системам⁶⁶.

Государство, допуская граждан к одной из самых охраняемых послевоенных государственных тайн, находилось между двумя полюсами: с одной стороны, нужно было информировать как можно меньшее число людей о самом проекте, а из привлеченных в проект – о его конечной цели, а с другой стороны – предоставить какой-то оптимальный минимум информации, необходимый для быстрого и качественного решения «проблемы № 1». Для этого каждый вид деятельности в проекте предполагал свои уровни обладания полнотой информации, повторяя принцип системы секретности партийно-государственного аппарата. Как свидетельствуют доступные исследователям архивные документы, к началу 1943 г. «высший доступ», то есть комплексное представление обо всех ведущихся по проекту работах, должны были иметь руководители государства И.В. Сталин, В.М. Молотов, уполномоченный Государственного комитета обороны по вопросам

62. См., например: В. Каплюков, «Команда “К”», *Родина*, 12, 2007, с. 115.

63. Группа фондов научно-технической документации комбината «Электрохимприбор», ф. 1, оп. 1-лд, д. 852 «в», л. 391; ЦДООСО, ф. 4458, оп. 1, д. 150, л. 116.

64. ЦДООСО, ф. 4458, оп. 1, д. 191, л. 108.

65. ЦДООСО, ф. 4458, оп. 1, д. 8, л. 70.

66. Э. Гидденс, *Последствия современности*, М., 2011, с. 150-151.

координации научных исследований в области химии для нужд обороны С.В. Кафтанов, академик А.Ф. Иоффе, руководитель проекта И.В. Курчатов, член-корреспондент АН СССР А.И. Алиханов и профессор И.К. Кикоин⁶⁷. В последующем этот «список» корректировался в соответствии с кадровыми перестановками, но принцип оставался неизменным: «всё» знал только очень ограниченный круг лиц. До 1953 г. наиболее осведомленными о делах по атомному проекту из руководителей страны были Л.П. Берия и И.В. Сталин, из научной среды – И.В. Курчатов. Спускаясь вниз, информационные барьеры возникали вокруг людей, научных учреждений и/или их отдельных подразделений, занятых «специальными работами», вокруг тех или иных помещений и целых городов. Таким образом, доверие, исходившее от государственного уровня было дозированным, избирательным и строилось по принципу «доверяй, но проверяй».

Реализовать этот принцип помогал отбор участников проекта. Претенденты заполняли пространные анкеты, в которых содержались пункты о социальном происхождении и положении, национальности, образовании, карьере, членстве в партии (ВЛКСМ, профсоюзе), семейном положении, родственниках, службе в армии, пребывании за границей, наградах и проч. (анкета для ведущих работников предполагала даже описание наличного количества костюмов, пальто и обуви⁶⁸). Все данные проверялись органами безопасности. Когда в 1946 г. начался массовый набор кадров в связи со строительством «атомных» предприятий, на проверку анкетных данных Министерству государственной безопасности СССР отводился 15-дневный срок⁶⁹. По результатам этих проверок принималось решение о допуске человека к секретному проекту. Важно отметить, что приглашение на работу на частном уровне, вне установленных списков кадровых «заказов», минуя проверки МГБ/КГБ, было невозможно даже для начальника «атомного» объекта. Так, предметом отдельного заседания Спецкомитета в 1948 г. стала инициатива Б.Г. Музруков, бывшего директора Уралмашзавода, назначенного руководителем первого советского комбината по обогащению плутония. Он попытался лично пригласить на работу одного из своих бывших сотрудников, что было расценено как рассекречивание информации об «атомном» объекте. Директор получил строгий выговор и предупреждение о привлечении к уголовной ответственности за нарушение правил секретности в дальнейшем⁷⁰.

67. Докладная записка С.В. Кафтанова и А.Ф. Иоффе В.М. Молотову «О работе спецлаборатории по атомному ядру», *Атомный проект СССР*, т. I, ч. 1, М., 1998, с. 298.

68. Основные сведения для обследования ведущих работников, *Вопросы истории естествознания и техники*, 2, 1994, с. 121.

69. Постановление СМ СССР № 792-257сс «Об обеспечении кадрами Государственного химического и Государственного машиностроительного заводов Первого главного управления при Совете Министров СССР», 15 марта 1948 г., *Атомный проект СССР*, т. II, кн. 3, М. – Саров, 2002, с. 421.

70. Протокол № 60 заседания Специального комитета при Совете Министров СССР, *Атомный проект СССР*, т. II, кн. 1, Саров, 1999, 368-369.

Этот случай показывает с одной стороны, что «проверяемое доверие» должно было исходить из единого центра руководства проектом, а с другой – наличие своеобразного доверия «в кредит». Существовал некий запас доверия, который позволял прощать провинившихся и сохранять доверие к ним и оставлять в системе, несмотря на проступок. Глубина такого доверия «в кредит» определялась, исходя из нужности конкретного человека для общего дела. Поэтому запас доверия действовал в большей степени по отношению к руководителям и к ученым, чем к «рядовым» участникам, которых легче было заменить.

Вообще именно ученые в советском атомном проекте пользовались наибольшим кредитом доверия власти, как по сравнению с другими социальными группами участников атомного проекта, так и по сравнению с советскими учеными в целом. Проявлялось это и в наибольшей их осведомленности о целях работы, и в бытовавшей атмосфере свободных дискуссий, даже если они касались политических вопросов. Физикам-ядерщикам, занятым в проекте, как «особым людям» не запрещалось говорить то, что они думают: «пусть даже несусветную чушь, иначе они разучатся думать и разбираться в научных вопросах»⁷¹. Но со стороны власти это было вынужденное доверие или доверие по расчету в условиях наукоемкого высокотехнологичного проекта. Скорее это был некий контракт, по которому у физиков и других ученых атомного проекта была творческая, духовная свобода⁷², в обмен на их знания и усилия по созданию атомной/водородной бомбы. Кроме того, такой контракт предполагал и соблюдение необходимых ритуальных действий по отношению к власти (которые одновременно были и защитным механизмом от власти). Как, например, согласие А.И. Алиханова на «предложение» Берии не бывать у опального академика П.Л. Капицы: «Слушаюсь. Хотя Капица мне друг и я собирался в праздник 7-8 ноября посетить его, но раз есть такое указание, я прекращу посещения Капицы»⁷³. Ярким примером необходимого ритуала, по-видимому, было и письмо на имя И.В. Сталина, которое подписали, кроме Берии, 31 ученый и специалист (в том числе, и подвергшийся репрессиям в 1938–1939 гг. Л.Д. Ландау). В письме, написанном после успешного испытания первого советского ядерного заряда и серии награждений отличившимся, подписавшимся горячо благодарят «дорогого Иосифа Виссарионовича» «за высокую оценку нашей работы», за «повседневное

71. В.Б. Адамский, «Становление гражданина», *Он между нами жил... Воспоминания о Сахарове*, М, 1996, с. 34.

72. В том числе, и свобода физики как самостоятельной науки: положение физики как научной основы советского атомного проекта, спасло ее от судьбы генетики в СССР (подробнее об этом см.: В.П. Визгин, А.В. Кессених, К.А. Томилин, *К исследованию феномена советской физики 1950–1960-х гг. Социокультурные и междисциплинарные аспекты*, СПб., 2014).

73. Записка В.А. Махнева Л.П. Берии о беседе с А.И. Алихановым, касающейся его посещений академика П.Л. Капицы, *Атомный проект СССР*, т. II, кн. 4, Саров, 2003, с. 754.

внимание, заботу и помощь», которые и позволили успешно решить поставленную вождем задачу⁷⁴.

Со стороны «рядовых» участников атомного проекта в период второй половины 1940-х – середины 1950-х гг. доверие к власти проявлялось как нерациональная основа социального поведения⁷⁵, иначе говоря, как вера в правильность принципов советской системы. Это обнаруживается в том, как они воспринимали и принимали свою работу в атомном проекте, в условиях секретности которого «рядовые» участники были наименее информированными о происходящем.

Заполняя анкеты, они не знали, для чего это делают, но как правило, не спрашивали, зачем они пишут эту анкету или удовлетворялись отговорками «так надо», «потом узнаете». Получая направление на новую работу, людям не сообщалось, ни где конкретно она будет располагаться, ни с чем она будет связана. Путь очень многих будущих работников на секретный объект начинался в Москве на приемно-передающем пункте, адрес которого с обозначенным временем явки они получали (с предупреждением не обращаться ни к кому, кроме милиционеров, если возникнут затруднения с его поиском). Как правило, это была расположенная в подвале ничем не примечательного дома безымянная контора, «где прямо у входа стояли какие-то бочки, ящики, а на десятичных весах сидела грозная сторожиха. Типичная обстановка овощного склада, даже запах подтверждал такое предположение»⁷⁶. В одной из комнат этого подвала выдавались инструкции по дальнейшим действиям: это мог быть конкретный адрес научного учреждения, где молодые специалисты проходили стажировку перед работой на атомном предприятии, или другой промежуточный адрес, маршрут автобуса или талоны на приобретение железнодорожных билетов. Все вопросы о конечной точке маршрута оставались без ответа: «вас доставят, куда надо», «приедете – узнаете». Те, кто ехал в будущий закрытый город, расположенный на Урале или в Сибири, должны были брать билет до крупного областного центра, например, Свердловска, где их ждала новая конспиративная квартира, на которой сообщался следующий адрес.

Попадая в эту атмосферу секретности, тайных адресов, подпольных квартир, люди начинали перестраховываться, не произнося даже то, что можно было произносить, например, совершенно открытое название железнодорожной станции, до которой предстояло ехать. «Когда нам давали адрес в Свердловском обкоме партии, то заверили, что на станции Шурала нас обязательно встретят. Сели в поезд на свердловском вокзале, ночь, темнота. Едем, нигде в пути ни единого лучика света. Боимся произнести слово «Шурала»,

74. Благодарственное письмо Л.П. Берия, ученых и специалистов И.В. Сталину за высокую оценку работы в области производства атомной энергии и создания атомного оружия, *Игорь Васильевич Курчатов в воспоминаниях и документах*, М., 2003, с. 625–626.

75. A. Giddens, *The Consequences of Modernity*, Cambridge, 1990, с. 34.

76. Д.Н. Горячев, *Третий цех*, Екатеринбург, 2007, с. 4.

считаем, что это великая тайна. [...] Проводница сообщила, что нам пора выходить. Спрыгнули из вагона в снег, никаких тропинок, лес и сугробы», – так прибыла на строящееся уральское предприятие по обогащению урана одна из групп молодых женщин-инженеров в декабре 1948 г.⁷⁷ Другие первопроходцы, ощущая себя едва ли не разведчиками, оказывались в большом затруднении, не зная, как купить билет до станции, не называя ее. Третьи придумывали для «внутреннего пользования» кодовые названия: сокращали наименование станции до первых букв (Верх-Нейвинск – В.Н.) или давали ей какое-нибудь необычное имя, например, Сингапур («стоя в кассе за билетами, упоминали это экзотическое географическое название, а женщина, стоящая рядом, с удивлением спросила: «А что, здесь можно взять билет до Сингапура?»)⁷⁸.

В ситуации такой неизвестности большинство соглашалось безоговорочно⁷⁹. Ветераны отрасли констатируют, что «так было приятно», «так было надо», «это было задание государства, партии». Показательно, что во многих воспоминаниях вообще отсутствует сюжет о том, как проходило приглашение на работу. Мемуаристы просто констатируют этот факт, используя слова «назначили», «перевели», «направили», «распределили». И в этом принятии ситуации больше доверия к власти (как уверенности в надежности системы), чем недоверия, и больше доверия, чем страха перед властью⁸⁰. Более того, работа в проекте расценивалась как приобщение к государственному секрету, и наделение таким особым государственным доверием было поводом для гордости, для ощущения избранности и особенности, и, одновременно, когда «такое доверие окрыляло», действенным стимулом к труду.

Согласно психологии доверия, те, кто испытывают недостаток доверия к миру и к себе, страшатся перемен, не готовы к форс-мажорным обстоятельствам⁸¹. На примере атомного проекта, напротив, мы можем наблюдать, что подавляющее большинство легко ехали в неизвестность, меняя свою жизнь на «колоссальную новизну», как они характеризовали новую работу и новое место жительства. Доверие позволяло преодолеть неуверенность, обусловленную нехваткой информации, и даже страх, когда будущие работники закрытых атомных городов впервые приближались к строящемуся поселению и видели колючую проволоку, часовых и колонны заключенных-строителей. В этом случае доверие «снизу» действовало как надежда на порядочность, честность и проявление заботы со стороны государства – надежда на то, что,

77. Фонды музея Уральского электрохимического комбината. Л.В. Чайкина, «В первые дни», в Постникова, сост., *Созидание (дела и люди)*, ч. 1, с. 114.

78. Там же, с. 107, 109, 171.

79. Те, кто пытались отказываться, делали это не из-за страха перед неизвестностью, а, в первую очередь, не желая поступать привычным, устоявшимся образом жизни, в том числе, проживанием в столичном или областном городе.

80. Иную точку зрения, отстаивающую преимущественное преобладание недоверия в СССР, см., например: G. Hosking, «Trust and Distrust in the USSR: An Overview», *The Slavonic and East European Review*, 91 (1), 2013, с. 1-25.

81. Е.П. Ильин, *Психология доверия*, СПб., 2013, с. 90.

направленные выполнять «важное государственное задание», они не будут заключенными. То есть доверие выступало как готовность быть зависимым от государства в ситуации неопределенности и принимать «правила игры».

Основой такого доверия было разделение и принятие ценностных ориентаций, транслируемых властью (государственный патернализм, вера в социальный порядок, ориентация в будущее, коллективизм, индустриализм, риторика побед, жертвенность, оптимизм, энтузиазм). Можно считать это доверие следствием специального «воспитания» в советском государстве или принудительным доверием, о котором пишут Алена Леденева и Алексей Тихомиров⁸². Действительно, чувства гордости и благодарности за оказанное доверие культивировались идеологической системой на закрытых «атомных» объектах, которая реализовывалась через рабочие, профсоюзные, партийные и комсомольские собрания, встречи и митинги⁸³. Но важно, что со стороны «простых советских граждан» испытываемое ими чувство доверия не осознавалось принудительным, внешним и посторонним. Оно переживалось и проживалось как внутреннее, основанное на личных убеждениях, и поэтому способствовало принятию ситуации.

Доверие к власти в атомном проекте выступало в качестве ресурса безопасности, выживания и снижения риска, а также разрешения социального конфликта. Ярким примером может служить случай, произошедшей в 1947 г. в г. Новоуральске. Делегация женщин пришла к директору строящегося завода с жалобой, что их мужья «приходят домой разбитые, неспособные к жизни из-за радиационного облучения, полученного на заводе». Не желая работать и жить в таком месте, женщины требовали отпустить их семьи из закрытой зоны. Присутствовавший при этом заместитель начальника ПГУ по вопросам оборудования и снабжения А.М. Петросьянц, предложил всей делегации в 30-35 человек пройти по строящимся цехам, чтобы убедиться, что радиации взяться неоткуда. Такая «экскурсия» состоялась, женщины успокоились и рассказали остальным ожидавшим, что радиация – это слухи и выдумка. На самом деле женщины не увидели ничего, из чего можно было бы судить об опасности (специального оборудования в цехах еще не было). Тем не менее, цехи были режимными, и женщинам, как не имевшим отношения к производству, нельзя было там находиться. Они знали, что руководители, пошедшие на это, могли быть наказаны. И сам факт того, что их допустили в режимные цехи, а значит оказали особое доверие, подействовал умиротворяюще. Доверие стало тем психическим состоянием, в силу которого женщины положились на авторитетное мнение, и потому отказались от

82. A. Ledeneva, «The Genealogy of «Krugovaya Poruka»: Forced Trust as a Feature of Russian Political Culture», in Marková, ed., *Trust and Democratic Transition in Post-Communist Europe*, Oxford, 2004, c. 85-108; A. Tikhomirov, «The Regime of Forced Trust: Making and Breaking Emotional Bonds between People and State in Soviet Russia», *The Slavonic and East European Review*, 91 (1), 2013, c. 78-118.

83. ЦДООСО, ф. 5459, оп. 1, д. 5, л. 102; оп. 7, д. 1, л. 123; ф. 4458, оп. 1, д. 1, л. 9; ОГАЧО, ф. 2845, оп. 1, д. 1, л. 94-95.

дальнейшего самостоятельного исследования вопроса, приняв объяснение руководства, что мужья устают, работая не по 8, а по 10-12 часов⁸⁴.

Горизонтальное доверие, или доверие внутри системы, выстраивалось по оси «свои» – «чужие», что было связано, в первую очередь, с режимом секретности. «Своими» были допущенные к секретным работам и в секретные поселения, но и среди них была градация соответственно степени допуска. Люди учились делить информацию на ту, которой можно поделиться и ту, которую нужно хранить в секрете, они определяли, с кем они могут или не могут говорить по той или иной теме, где и когда. «Были ли мы в большой компании, или только вдвоем с близким сослуживцем у кого-либо дома, или на лодке посреди озера Иртяш, абсолютно трезвые или в веселом настроении после нескольких рюмок или бокалов горячительных напитков, – вне рабочей обстановки у нас никогда не возникали разговоры на служебные темы. Даже с женой, работая на одном реакторе [...], мы всегда придерживались этого правила», – вспоминает свою работу в конце 1940-х гг. на заводе «Маяк» П.А. Журавлев, будущий директор другого атомного предприятия – Сибирского химического комбината⁸⁵. Более свободного стиля общения придерживались «большие» ученые, обсуждая интересовавшие их научные проблемы и вне рабочего места, однако и для них существовали границы. «Будут важные совещания «старейших», вы не должны обижаться, что вас на них не пригласят, – напутствовал Я.Б. Зельдович только что приехавшего на объект А.Д. Сахарова. – Меня тоже на многие совещания не приглашают, кроме тех, на которых нужно мое мнение. Вы должны выработать в себе правильное отношение к этим вопросам. Тут кругом навалом все секретно, и, чем меньше вы будете знать лишнего, тем спокойней будет для вас»⁸⁶. Этот посыл знали, чувствовали и следовали ему (возможно, в еще большей степени, чем ученые) те, кто не принадлежал миру науки. Если жители закрытых атомных городов (особенно работники градообразующих предприятий) слышали разговоры о чем-то неизвестном, непонятном, как правило, они не спрашивали, о чем идет речь: знали, что существуют определенные темы, знание которых дозволено только отдельным категориям населения. Эта ситуация буквально материализуется в рассказе заместителя начальника химического цеха завода «Электрхимприбор» Д.Н. Горячева, в котором запрет предстает в виде огромного брезентового полога, перегораживавшего недостроенный цех и скрывавшего монтируемый сепаратор плутония. За полог было острое желание заглянуть, но «заглядывать не полагалось» и, несмотря на то, что на самом деле хотелось

84. А.М. Петросьянц, «К истории получения высокообогащенного урана на комбинате № 813», в В.Н. Михайлов, ред., *Создание первой советской ядерной бомбы*, М., 1995, с. 268-269.

85. П.А. Журавлев, «Мой атомный век», в *Творцы атомного века. Славский Е.П.*, М., 2013, с. 91.

86. Сахаров, *Воспоминания*, т. 1, с. 156.

знать больше, но «подробнее не говорили, а я не спрашивал, тем более, что прежде всего меня предупредили о строжайшей секретности»⁸⁷.

При этом, приведенные случаи вовсе не свидетельствуют об обстановке всеобщего недоверия, а лишь о действии режимных правил. Напротив, все мемуаристы отмечают атмосферу доверия в трудовых коллективах создателей атомного оружия. Более того, возможно, именно режим секретности был причиной преобладания доверия как эмоции: в условиях, когда режимность создавала рамки для распространения той или иной информации, доверие (как безусловное принятие на веру) было необходимо, чтобы добиваться эффективных коллективных результатов. Эмоциональный настрой доверия, который распространялся как по горизонтали, так и по вертикали (своеобразная цепная реакция эмоций, о которой пишет Дэниел Гоулман⁸⁸), создавал тот самый климат, когда результативно решались сложнейшие задачи, и задуманное быстро становилось реальностью.

Коммуникативные стили

Отличительной особенностью коммуникативных связей между «верхами» и «низами» в атомном проекте СССР была их относительная демократизация. Ученые и руководители, занятые в атомном проекте (и И.В. Курчатов, и рангом ниже), довольно свободно обращались к первым лицам государства, позволяя себе не только пассивно отвечать на их запросы, но и инициировать диалог, не только просить, но и требовать. Стиль писем-обращений к вышестоящим предельно корректен, при этом свидетельствует о твердом намерении настоять на желаемом. Подобные письма полны глаголов «назначить», «укрепить», «обеспечить», «выделить», «срочно поставить»⁸⁹, что свидетельствует скорее о волеизъявлении пишущих, чем о зависимой просьбе.

В этом диалоге власть часто прислушивалась к мнению и просьбам науки. Это касалось, в том числе, и «человеческих» вопросов: рекомендаций на должностные назначения или заступничества за находящегося в опале. Когда руководителя лаборатории КБ-11 Л.В. Альтшулера, известного своими симпатиями к генетике, служба безопасности решила выслать с объекта (в неизвестном направлении) как неблагонадежного, было достаточно одного личного звонка по ВЧ научного руководителя Ю.Б. Харитона Л.П. Берии, чтобы ученый остался на свободе и продолжал работать в коллективе⁹⁰.

87. Горячев, *Третий цех*, с. 8-9.

88. См.: D. Goleman, R. Boyatzis, A. McKee, *Primal Leadership: The Hidden Driver of Great Performance*, *Harvard Business Review*, 79 (11), 2001, с. 42-51 или Д. Гоулман *Эмоциональный интеллект на работе*, М. – Владимир, 2010.

89. См., напр.: Письмо. Зернов П.М., Харитонов Ю.Б. Щелкин К.И. – Берии Л.П. о срыве сроков строительства КБ-11, *История создания ядерного оружия в СССР*, т. 2, кн. 2, с. 70-71.

90. Альтшулер, Фортов, ред., *Экстремальные состояния Льва Альтшулера*, с. 82-83.

Власть была готова удовлетворить пожелания участников атомного проекта. Конечно, это в большей степени имело отношение к крупным ученым, чем к рядовым участникам. Например, в справке о премировании за испытание первого советского атомного заряда в отдельную графу собраны пожеланиях премируемых: кто-то просил заменить предоставляемый дом-особняк на восьмикомнатную квартиру, кто-то уточнял размер особняка или дачи («дача 2-этажная, 6 комнат. Участок земли 0,5 га») или предпочитаемое место расположения («близ Ленинграда», «до 60 км от Москвы»)⁹¹.

«Рядовые» участники тоже выдвигали свои просьбы, адресуя их первому секретарю областного комитета партии или главе государства. Среди их прошений встречаются довольно экзотические: построить вертолетную площадку для прямого сообщения закрытого города с областным центром, закупить для города голубей, выдать в Госбанке деньги на покупку личной автомашины, возвести в каждом городском квартале бассейн или цирк. Это говорит, с одной стороны, о вере в силу власти, а с другой стороны, свидетельствует об уровне притязаний, сложившемся в системе закрытых атомных городов. Подобные и другие письма с просьбами, требованиями и жалобами, как правило, переправлялись обратно в закрытый город с пометой местным властям разобраться в вопросе. Конечно, вертолетную линию не открывали, но, например, птиц для украшения городского пространства было решено закупить⁹².

Если рекрутирование в атомный проект «простого человека» предполагало его безоговорочное согласие, то в отношении большого ученого власть готова была принять отказ. В частности, П.Л. Капица, обращаясь в письмах к Сталину, настойчиво просил освободить его от участия в решении атомной проблемы. В одном из писем Капица критикует организацию работ по атомному проекту как «не нормальную», советскую промышленность как отсталую, руководителей государства (кроме Сталина) и проекта, которые «ведут себя в Особом Комитете, как сверхчеловеки»⁹³. Особо неслестные высказывания звучали в адрес Берии, которого Капица упрекает в чрезмерной самоуверенности и лени, в незнании физики, в непонимании особенностей творческого процесса у людей науки и техники и в общем неумении руководить проблемой. Опуская сложный комплекс причин, вызвавших его просьбу⁹⁴, озвучим известные результаты. П.Л. Капица был освобожден не только от работы в Специальном комитете и Техническом совете, но также

91. Справка В.А. Махнева со сведениями о премировании в соответствии с Постановлением СМ СССР от 29 октября 1949 г. № 5070-1944 и с данными о пожеланиях премируемых, *Атомный проект СССР*, т. II, кн. 4, Саров, 2003, с. 756-757.

92. Городской архив Новоуральского городского округа, ф. 1, оп. 4, д. 46, л. 8.

93. Письмо П.Л. Капицы И.В. Сталину об организации работ по проблеме атомной бомбы и своем освобождении от работы в Специальном комитете и Техническом совете, *Атомный проект СССР*, т. II, кн. 1, Саров, 1999, с. 617.

94. См.: В. Горобец, «В треугольнике «Капица, Берия, Сталин», *Мировая энергетика*, 10, 2008. (http://www.worldenergy.ru/doc_20_53_2819.html); П.Е. Рубинин, «Капица, Берия

от должностей директора им же созданного Института физических проблем АН СССР, от служебной квартиры в Москве, что послужило причиной его переезда на дачу и последующей работы там, в «кустарных» условиях. Власть приняла отказ всемирно известного ученого, но «принять» не означало «простить».

Существовавшее в проекте единоначалие органично уживалось с коллегиальностью. Практически все решения выкристаллизовывались, проходя коллективное обсуждение на различных уровнях. В конечном итоге И.В. Сталин, который визирует окончательный вариант, подписывал документы, которые были результатом предварительной работы десятков руководителей и специалистов.

При том, что люди – участники атомного проекта представляли собой солидарную группу, деятельность которых была объединена и подчинена общей цели (создание атомного щита страны), известный психологический феномен «атмосферы общепринятого мнения», был очень слаб в этом сообществе. Данное явление заключается в том, что идеи, выдвигаемые в коллективе, чаще всего конформны общепринятому в нем мнению: человек, боясь потерять репутацию реалиста и место в группе, не выдвигает предложение, которое не примет руководство и коллектив.

В коммуникативном пространстве советского атомного проекта, напротив, мнение одного человека часто противостояло мнению группы. Не боясь оказаться «по ту сторону» коллектива, индивиды отстаивали свою идею, увлекая за собой остальных. В качестве примера приведу две истории, показывающие, как это происходило на уровне «верхнего» и «нижнего» эшелонов участников проекта. Первая история связана с именами И.В. Курчатова и генерала А.С. Александрова, заместителя начальника ПГУ. В НИИХИММАШе Министерства общего машиностроения знаменитым в будущем конструктором Н.А. Доллежалем были разработаны разгрузочные кассеты для атомного реактора, но они оказались конструктивно-проблемными и недостаточно хорошими для использования. Курчатов и Александров настаивали на их замене. «Членов комиссии, назначенной по разрешению данной проблемы, – вспоминал А.С. Александров, – гипнотизировала цифра 40 млн руб., затраченных на кассеты Доллежала. Верх стала брать противная сторона, а мы с И.В. Курчатовым оставались в меньшинстве». Чтобы переломить ситуацию, Курчатов написал Берии письмо, в котором снимал с себя всю ответственность за работу атомного котла, если будут приняты кассеты Доллежала⁹⁵. «Шантаж» подействовал, и партия кассет, стоившая разрушенной войной стране 40 млн руб., была полностью заменена продукцией другого производителя.

В другой истории главным действующим лицом был человек, занимавший позицию куда скромнее, чем Курчатов и Александров – инженер-механик

и бомба», *Наука и общество: История советского атомного проекта (40-50-е годы). Труды международного симпозиума ИСАП-96*, М., 1999, с. 261.

95. Волобуев, Генерал А.С. Александров и тайны Атомного проекта СССР, с. 70-71.

М.Е. Сопельняк (будущий главный механик одного из заводов комбината «Маяк»). Соответственно своей профессиональной компетенции, он осматривал подготовленное для монтажа завода оборудование и обнаружил большое количество бракованных экземпляров. Перед специалистом стоял выбор: одобрить монтаж оборудования и сделать все в назначенный срок, но потом в течение длительного времени менять узлы и детали, или остановить всю технологическую линию пока не поступит новое качественное оборудование. М.Е. Сопельняк был уверен во втором варианте и отстаивал его на совещании в присутствии заместителя министра машиностроения и приборостроения СССР И.А. Ануфриева, директора завода и его заместителя. Отказываясь принимать оборудование, он оказался один против мнения и коллектива, и высокого начальства, но настоял на назначении комиссии, которая должна была детально разобраться в состоянии привезенного оборудования. В итоге точка зрения «какого-то инженеришки» оказалась сильнее, и последующая работа показала его правоту: оборудование действительно было бракованное. Эта история дошла до Берии. Он отправил на комбинат руководителей Первого главного управления Б.Л. Ванникова и М.Г. Первухина, которые принимали окончательное решение по устранению обнаруженных недостатков. Так заместитель министра И.А. Ануфриев, обвинявший Сопельняка во вредительстве, сам надел рабочий комбинезон и участвовал в ремонте некачественных агрегатов⁹⁶.

Эти два сюжета – одни из многих, иллюстрирующих сознательное противостояние «атмосфере общественного мнения» в советском атомном проекте. Кроме того, они симптоматичны еще по двум позициям. Во-первых, они показывают, что в качестве основного арбитра, главного адресата, к которому обращались как к конечной инстанции в разрешении конфликтных ситуаций, выступал Л.П. Берия. А во-вторых, дают представление о том, что «верхи» довольно быстро получали информацию об идеях «снизу» и были готовы их рассматривать, кем бы они не высказывались – ведущим ученым или руководителем, или никому не известным начинающим специалистом. Так произошло, например, с утверждением метода поиска радиоактивных руд с самолета. Идея метода принадлежала только что демобилизовавшемуся из рядов Красной Армии двадцатисемилетнему А.Л. Якубовичу (впоследствии ведущему ученому в области ядерно-физических методов исследования минерального сырья). Направленный работать во Всесоюзный научно-исследовательский институт минерального сырья, он предложил создать аэропоисковый аппарат, позволяющий находить месторождения радиоактивных руд. Подавляющее большинство коллег, среди которых был и член-корреспондент АН СССР, отрицали такую возможность. Однако А.Л. Якубович «с маниакальной настойчивостью» создавал макет своего прибора и был приглашен

96. Н.Н. Богуненко (авт.-сост.), *Все силы отдаю Родине: повесть о Б.Г. Музрукове*, Саров, 2004, с. 226-227; М.Е. Сопельняк, «Начало Базы-10», в *Творцы атомного века. Славский Е.П.*, с. 96-98.

в Москву на заседание, где выслушал обвинения в «легкомысленности, свойственной молодому дилетанту, взявшемуся не за свое дело»⁹⁷. После долгих споров, молодому специалисту было решено дать шанс: на испытание макета выделили необходимые средства. Испытание прошло успешно и прибор, минуя этап опытных образцов, сразу был запущен в промышленное производство. На реализацию от оформления идеи до заводской серии приборов было потрачено всего четыре месяца.

Так налаженные коммуникации между «верхами» и «низами» в советском атомном проекте, возможность вышестоящих оперативно услышать и принять идею нижестоящих, способность большинства прислушаться к неконформному меньшинству, отстаивающему свои замыслы, позволяла раздвигать границы между «возможным» и «невозможным». В результате принимались свежие, неординарные решения, которые вывели советскую атомную отрасль на передовые позиции в науке и промышленности не только в СССР, но и за его пределами.

* * *

История атомного проекта СССР показывает, что конструирование коммуникативного пространства «сверху» могло довольно органично сочетаться с самоорганизацией системы обмена информацией «снизу». В этом пространстве был возможен реальный диалог между различными слоями тех, кто его «населял»; была возможна искренняя творческая свобода (при ограничении свободы физической); был возможен компромисс между секретностью и «нормальным» общением. Сложное сочетание часто противоположных методов (не только «все запретить», но и «многое позволить») при организации социальной «атомной» общности обеспечило принятие ею «правил игры» секретной промышленной корпорации.

Важным социальным ресурсом «атомной» системы было доверие. При этом, мы должны различать доверие, исходившее от власти: оно было рациональным, проявлявшимся как уверенность, что объект доверия способен выполнить возложенные на него обязательства. Доверие, исходившее «снизу», к власти, было эмоциональным, как вера в надежность советской системы, советской власти. В описываемый период именно доверие было основой «социального контракта», в котором обе стороны (власть и участники атомного проекта) действовали в интересах друг друга, понимая намерения и учитывая взаимные потребности. Власти было необходимо обеспечить безопасность и независимость государства через создание атомного оружия. Безопасность и независимость становились общей с властью ценностью для поколения, пережившего Вторую мировую войну, а создание атомного

97. А.Л. Якубович, «Воспоминания. Итоги. Надежды», *Геология – жизнь моя... Сборник очерков*, вып. 3, М., 2001, с. 79.

оружия – общей целью. Ради этой цели участники проекта отдавали свой добросовестный, высокопроизводительный, эффективный труд, принимали на себя различные жизненные ограничения и долю риска. А власть обеспечивала им проживание в сравнительно более комфортных бытовых условиях⁹⁸ и для осуществления производственных задач предоставляла практически неограниченные ресурсы, стимулируя творческие процессы. Таким образом, добросовестный труд, а не политическая лояльность, обменивался на материальные блага. «Покупать» политическую лояльность у участников атомного проекта в рассматриваемый период не было необходимости. Принятие цели – создания атомного оружия как рычага восстановления равновесия сил в мире и недопущения новой войны, было залогом лояльности⁹⁹. Разделение общих целей, ценностей и намерений порождало эмоциональную связь, которая может быть определена как высшая степень доверия – доверие, основанное на идентификации.

Условия секретности и режимности, задававшие «физические» границы социальной «атомной» общности, только усиливали уровень сплоченности и коллективную идентичность с системой. Высокая степень идентификации была одним из важнейших инструментов трудовой активности и адаптивности. В этих обстоятельствах даже вынужденная коммуникационная изоляция начинала рассматриваться как благо: ученым она помогала сосредоточиться на работе («ничего отвлекающего – все где-то далеко, за двумя рядами колючей проволоки»¹⁰⁰), рядовым участникам – жителям закрытых атомных городов – иметь более высокое качество жизни в «своем» (относительно) безопасном мире.

*Институт истории и археологии
Уральского отделения РАН, Екатеринбург*

melnatvik@mail.ru

98. См. об этом: N. Melnikova, «Les artisans du projet nucléaire dans les villes fermées» in Tamara Kondratieva, dir., *Les Soviétiques, un pouvoir, des régimes*, P., 2011, с. 51-75; Г.А. Реут, *Закрытые административно-территориальные образования Сибири: социализм за колючей проволокой*, Красноярск, 2012.

99. Отдельные индивиды, особенно из среды ученых – атомщиков, могли не одобрять власть, но в то же время общая цель, опосредованно осознаваемая как необходимость обеспечения безопасности и стабильности страны в целом, вынуждала их сохранять определенную степень лояльности к власти.

100. Сахаров, *Воспоминания*, т. 1, с. 167.